

Игорь ГОРБАЧЕВ,

народный артист СССР,

лауреат Государственной премии СССР,

художественный руководитель

Академического театра драмы им. А. С. Пушкина

Я — АКТЕР. И большая часть моей жизни отдана старейшей русской сцене — Ленинградскому государственному академическому театру драмы имени А. С. Пушкина, театру, который вступил в свой 225-й сезон. Всякий раз, когда подхожу к прекрасному зданию в центре Ленинграда, я как будто осязаемо ощущаю тот пласт культуры, которая связана с именем нашего города, с именем нашего театра. И нередко задумываюсь над тем, что же такое — культура. Эта лишь мыслимая, по выражению Блока, линия, которая тянется от поколения к поколению. Она роднит между собой столь разных, столь непохожих друг на друга художников сцены: Мартынов и Черкасов, Павел Васильев и Николай Симонов, Давыдов и Варламов, Юрьев

и Меркурьев... Что их объединяет? А точнее — что составляет природу именно русского театра и русского актерства? Думаю об этом постоянно. И все более утверждаюсь во мнении, что дело здесь прежде всего в особом — глубоком личностном и личном — отношении к миру. Дело в позиции. Обостренное чувство гражданина всегда отличало русского артиста, который всегда был на острие момента, умел возвысить свой голос в самые трудные для страны минуты. Испокон веков театр в России обладал великой привилегией быть проводником и проповедником идей добра и справедливости. И не случайно, когда мы говорим о русской и советской сцене, мы прежде всего говорим о трагедийных спектаклях, об актерско-трагиках, то есть о той сфере искусства, которая наиболее граждански заострена, публицистически направлена. Мы говорим о зарождении, развитии и победе режиссерского театра, который именно и предполагает особую меру осознанности, связующей организованности в решении драматических конфликтов, в раскрытии их идеологического, мировоззренческого значения. Пусть первые режиссеры появились в Англии и Германии. Режиссерский театр как таковой родился в России. И крупнейшие режиссеры работали в русском и советском театре, что связано, в первую очередь, с особым строем нашей культуры, где гражданственность искусства почиталась всегда на первом месте.

ПОЗИЦИИ

РАЗМЫШЛЯЯ о сегодняшнем дне нашего театра, я думаю о том, что театр просто обязан вскрывать болевые точки времени, вынося на сцену, как на форум, на всеобщее обсуждение то, что волнует в данный момент большинство общества. Здесь нет и не может быть запретных тем.

Но вот в чем вопрос. Порой сегодня в театре встреча-

ется странный перекосяк. Мы смотрим спектакли, словно увиденные глазами мальчика Кая из сказки Андерсена «Снежная королева», которому, как вы помните, в глаз попала колдовская соринка, и он стал замечать вокруг только плохое. В этих спектаклях подлинны, действительно встречающиеся противоречия нашей жизни превращены в какие-то глобальные и неизлечимые язвы общества. Верна ли такая позиция? Думаю, не верна. Ибо в самой жизни, прежде всего, никогда не бывает сплошь одно плохое, как, впрочем, и одно хорошее. Ибо в самой жизни всегда есть люди, способные активно противостоять злу. Люди героического склада, энергией которых жизнь движется вперед. Как с ними-

быть, с этими людьми, ведь, если бы их не было, человечество до сих пор сидело бы в пещерах или вовсе перестало бы существовать. Нельзя в искусстве показывать какую-то одну сторону жизни. Театр не может быть только регистратором фактов, негативных ли, позитивных, он дает зрителю суждение о жизни во всем многообразии ее проявлений. Он призван воспитывать в зрителе критерий истины. Л. Н. Толстой сказал о художнике, который стремится отражать только темные стороны действительности, что в его произведении «даже и зла не будет — будет ничто», ибо не будет необходимого критерия.

Я за то, чтобы точка зрения художника, взявшегося вскрывать недостатки жизни, была негодующей. Я за то, чтобы на сцене действовали люди, яростно борющиеся с недостатками. Произведение искусства, как, собственно, и сама жизнь в ее магистральной тенденции, должно быть устремлено к добру, к справедливости, к свету — только тогда оно будет честным и правдивым. В этом одна из главных заповедей русского классического реализма. В этом я вижу суть традиций Пушкинского театра, который всегда считал своим общественным долгом показывать зрителю положительный потенциал жизни и с позиции этого положительного идеала выносить свое суждение об окружающей действительности.

Мы часто говорим, что искусство должно быть современно. Но понятие современности включает в себя разные значения. Современность, что отвечает моменту, что сиюминутно и, следовательно, преходяще. И современность, что составляет нетленные истины человеческой жизни. К стати, обе эти позиции завоевали себе сегодня на наших сценах право на существование. Но и та и другая, мне кажется, не исчерпывают своеобразие русской школы сценического искусства. Ибо всегда для русских актеров в понятие современности, наряду с острым чувством настоящего, включалось еще и умение нести в себе прошедшее. И главное — умение предвидеть будущее,

быть его первооткрывателем и первопроходцем. Об этой черте русского искусства (и скажу больше — русского характера) с особой напряженностью думаю в преддверии того ответственного события, которое ждет нас в наступившем году. Об этом думаю накануне XXVI съезда партии, определяя для себя круг наиболее актуальных проблем. Об этом думаю, готовясь к 225-летию юбилею нашего театра, пытаюсь окинуть мысленным взглядом веки исторического процесса, предугадать перспективы дальнейшего развития общества.

Сегодня мы идем по пути, избранному народом в 1917 году. Потому что при всех недостатках, о которых не надо забывать и с которыми надо бороться, мы смогли тогда на практике осуществить то, что было вековой мечтой человечества. Я имею в виду неиссякающую потребность людей увидеть вьязе активно воплощенное, борющееся и побеждающее добро. Великая Октябрьская социалистическая революция удовлетворила эту потребность в исторической справедливости. А социалистический строй сформировал критерии новой советской нравственности, воспитал человека, личной страстью которого стало чувство долга перед обществом.

ПРОБЛЕМА положительного героя волнует меня постоянно. Горжусь, что мне была присуждена Государственная премия с такой пометкой — «За создание образа положительного героя на сцене Ленинградского академического театра драмы имени А. С. Пушкина». Что может быть более почетно для художника, какая оценка его труда может быть выше, нежели эта! Но само понятие идеала не есть ведь что-то неподвижное, застывшее. И я вновь и вновь думаю о том, каким он должен быть — герой, достойный подражания, с которого мы могли бы брать пример.

Несколько лет назад в недрах так называемой «производственной» драматургии зародился новый тип героя. «Деловой человек», Чешков — в какой-то момент имя это ста-

ло нарицательным, а носитель его был провозглашен положительным героем, образцом для подражания. Так ли это было на самом деле? Жизнь вскоре показала, что позитивная программа Чешкова годилась лишь на производстве. Не случайно драматург И. Дворецкий, автор пьесы «Человек со стороны», вскоре написал новую драму «Веранда в лесу», герои которой, не будучи столь «правильными» людьми, как Чешков, являются на мой взгляд, подлинными положительными героями. Поскольку несут в себе свет духовности, чрезвычайно развитое нравственное чувство.

Предприимчивость нынче сама по себе, мне кажется, уже не прельщает ни в жизни, ни на сцене. Важна цель. Потому что ну будет у каждого по мотоциклу, по машине, по самолету, наконец, — и что дальше? Для нашего общества материальное благополучие ведь не является самоцелью, а есть лишь средство, которое призвано высвободить время человека для творческого труда, для красоты, для искусства. У нас труд прежде всего велик тем нравственным удовлетворением, которое он приносит человеку. Нам нужно материальное благополучие для того, чтобы человек об этом не думал вовсе, концентрируя свое внимание на других проблемах — проблемах нравственного совершенствования личности и окружающей ее жизни.

СЕЙЧАС наш театр вплотную приступил к работе над спектаклем, посвященным XXVI съезду. Это инсценировка романа И. Герасимова «Предел возможного». Действие спектакля происходит на заводе. И мы озабочены всерьез тем, чтобы показать на сцене поэзию этого завода, что является для нас безусловно самой сложной задачей. Поэзия труда — тема, которая волнует всех. Ибо что бы с героями ни происходило, какие бы личные драмы они ни переживали, завод работает, живет, являясь словно синонимом жизни, которая не останавливается ни на миг. А в центре спектакля человек, который всю свою жизнь по-

святил борьбе. Он борется с бюрократизмом, с чиновничьим равнодушием, с самим собой, наконец. Все время борьба, все время преодоление — в этом он видит смысл своего существования.

Так же, как и в прежних работах, театр остается верен себе. Нас интересует крупная человеческая личность, мы хотим понять, как эта личность влияет на окружающих ее людей, собственным примером как бы понуждая их не плыть по течению. Вечное беспокойство, вечная неудовлетворенность достигнутым — в натуре нашего главного героя, которого зовут Ремез. И мы хотим сказать, что эти качества вообще присущи людям — чувство долга, чувство ответственности, умение поступиться личным ради общего. И мы хотим разбудить в каждом человеке такого героя. Поскольку я убежден: будущее всегда в руках увлеченных людей. Их надо уметь разглядеть, их надо суметь поддержать и сохранить. Поэтому мне все время хочется сказать со сцены еще и об ответственности общества перед такими людьми.

...Итак, близится вечер, и снова театр зажигает свои огни, и снова мы думаем о том, чем удивим зрителя. Потому что без удивления нет искусства, нет театра. Искусство призвано открывать новое, рождая минуты откровения, «моменты истины».

Поэзия — вот качество, которое позволяет художнику предугадывать перспективы развития общества, предугадывать будущий лад человеческих отношений, находить ростки будущего в настоящем. И в этой связи мне всякий раз вспоминаются слова Ф. М. Достоевского: «В поэзии нужна страсть, нужна ваша идея и непременно указующий перст, страстно поднятый». Эти слова писателя можно поставить эпиграфом ко всей истории русского национального театра.

Одержимость идей — в этом своеобразии нашего искусства.

В этом природа его откровений.

И, говоря сегодня так много о корнях, об истоках, о новаторском и традиционном, мне кажется, надо всегда помнить, что именно позиция страстного отношения к жизни есть тот неиссякаемый источник, который дает энергию обновления нашему искусству.

Идет репетиция пьесы И. Герасимова «Предел возможного». Фото А. Медведникова

